

УДК 81'255.4

Чайковский Р.Р., Зеленая А.В.

Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

**МНОГОТОЧИЕ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО
В РОМАНАХ Д. СТИЛ И ЕГО ВОССОЗДАНИЕ
В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

R. Chaikovskiy, A. Zelenaya

North-Eastern State University, Magadan

**DOTS AS STYLYSTIC MEANS IN NOVELS BY D. STEEL
AND ITS RECREATION IN RUSSIAN TRANSLATIONS**

Аннотация. Статья посвящена изучению своеобразия использования многоточия как стилистического средства в произведениях американской беллетристики на примере романов Д. Стил и их переводов. В статье анализируются частотность этого пунктуационного знака в романах, написанных в разные годы; выявляются его основные стилистические функции и роль в развертывании структуры беллетристического текста. Анализ проводится как на материале авторского повествования, так и на материале диалогов персонажей. Лингвостилистический потенциал многоточия рассматривается также с позиций теории художественного перевода. Исследуются доминирующие переводческие стратегии, используемые при воссоздании этого знака в переводах на русский язык.

Ключевые слова: беллетристика, многоточие, стиль, пунктуация, перевод, лингвостилистическое средство.

Abstract. The article is devoted to peculiarities of the dots as a stylistic means in American fiction on the example of novels by D. Steel and their translations into Russian. The frequency of this punctuation mark in novels written in different years, its main stylistic functions and its role in the unfolding of the structure of fictional text are analysed in the article. The analysis is performed on the author's narrative as well as on characters' dialogues. The stylistic dots potential is considered from the standpoint of the theory of literary translation. The dominant translation strategies used in the recreation of the analysed punctuation mark in Russian translations are also examined.

Key words: fiction, dots, style, punctuation, translation, linguo-stylistic means.

Современная англоязычная беллетристическая проза отличается, как показывает анализ, достаточно большим разнообразием лингвостилистических средств – от фонетических до графических. Среди них немаловажную роль играет пунктуация. В некоторых романах беллетристического направления наблюдается тенденция к использованию преимущественно какого-то одного определенного знака, который оказывается вследствие этого пунктуационной доминантой соответствующего текста. В произведениях автора популярных американских беллетристических романов Д. Стил таким доминантным знаком выступает многоточие.

Однако, прежде чем переходить непосредственно к анализу текстового материала, целесообразно рассмотреть степень изученности многоточия как стилистического средства, определить подходы к нему с позиции теории художественного перевода.

В работах исследователей многоточию уделяется довольно много внимания. Его относят обычно к отделяющим знакам препинания [12, 88], употребляющимся для обозначения *превзанности* речи или смыслового подчёркивания следующего за ним текста [1, 236]. Кроме того, многоточие может передавать недосказанность мысли, недоговорённость, затруднённую речь, вызванные большим эмоциональным напряжением. Многоточие используется и для передачи многозначительности сказанного, подчёркивания *подтекстного* содержания, некоего

тайного смысла, который заключён в высказанных словах [4, 41-47]. Одни авторы сравнивают многоточие с многозначными словами [7, 246], другие указывают на выразительную и изобразительную функцию многоточия, его способность отражать различные состояния говорящих: нерешительность, неуверенность, смущение, нервозность, неторопливость [6, 65; 2, 387]; третьи усматривают в многоточии некоторое функциональное сходство с вопросительным знаком, поскольку оба эти знака употребляются в конце смысловых отрывков, не доведенных автором до логического завершения [5, 233-234]; четвертые характеризуют этот знак метафорически: «Многоточие – недоговорённость многознания, сигнал глубины... Весь секрет – использовать многоточие не там, где его ждёшь. Есть и такой приём, как обилие многоточий намеренное, экспрессивное» [10, 118].

К сожалению, вопрос о стилистических функциях пунктуационных знаков и их воссоздании в художественном переводе до сих пор остается белым пятном переводоведения. Между тем ещё в 1930 г. А.В. Фёдоров чётко обозначил эту проблему. Он подчёркивал, что пунктуация перевода и степень её соответствия пунктуации подлинника играют важную роль в сохранении не только формального соответствия перевода, но и в точной передаче смысла подлинника [11, 185].

А.В. Фёдоров считал знаки препинания смысловыми вехами текста и выделял многоточие как знак, обладающий большой выразительностью. «Изменяя пунктуацию подлинника, – писал А.В. Фёдоров, – переводчик тем самым вводит другие смысловые сигналы, устанавливает между отрезками текста разделы иной степени отчётливости и силы. <...> Следует иметь в виду, что знаки препинания – отнюдь не безразличный, чисто внешний момент, как это, по-видимому, полагают иные переводчики, произвольно изменяющие пунктуацию подлинника, хотя бы это даже и не требовалось языковыми условиями» [11, 186].

Важные мысли о роли пунктуации в тексте и о различиях их употребления в раз-

ных языках содержатся в статье Л.В. Щербы «Пунктуация», впервые опубликованной в 1935 г. Л.В. Щерба обращает внимание на то, что пунктуационные правила в разных языках «значительно разнятся друг от друга». Он выделяет два типа пунктуации – французский и немецкий. К первому типу он относит английский и итальянский языки, а ко второму – русский, польский, чешский. По мнению Щербы, первый тип стремится выражать пунктуационными знаками смысловые нюансы; второй тип использует пунктуационные знаки преимущественно по формальным признакам [13, 243]. К сожалению, идеи, содержащиеся в названной статье Л.В. Щербы, впоследствии не были подхвачены ни лингвистами, ни переводоведами, и поэтому сегодня мы не имеем сопоставительной теории пунктуации разных языков, которая могла бы стать важным подспорьем для практикующих переводчиков.

Только через сорок пять лет после выхода в свет работы А.В. Фёдорова появилась небольшая статья известного болгарского переводоведа С. Флорина «Ремарка – пунктуация – темперамент», в которой он на материале переводов с английского на русский язык пытается выявить закономерности использования пунктуационных знаков в оригинале и переводе. С. Флорин пишет: «... можно было бы установить различную систему пунктуации в различных языках, обусловленную в той или иной степени темпераментом соответствующих народов» [9, 75-76]. Автор приходит к выводу, что функционирование знаков препинания в английском и русском языках существенно отличается [9, 76-80]. С. Флорин показывает, что пунктуация оригинала требует пристального внимания переводчика, поскольку её слепое копирование может привести к существенному смещению смысловых и стилистических нюансов в переводе.

Мысль С. Флорина находит подтверждение в словах американской переводчицы Н. Буйс, которая отмечала, что «русские авторы довольно часто ставят восклицательный после вопросительного – в английском это невозможно. Еще русские очень любят мно-

готовиче, которое в английском встречается очень редко» [3, 493].

Последнее утверждение Н. Буис нуждается в уточнении. Исследованный нами текстовый материал романов Д. Стил позволяет говорить о том, что и в англоязычной беллетристике многоточие играет заметную роль. В качестве примера обратимся к роману «Vanished», написанному Д. Стил в 1993 г. Роман представляет собой достаточно удачный гибрид любовного и детективного жанров с элементами психологического романа. В карманном издании роман насчитывает 391 страницу текста. Многоточие употреблено в этой книге 872 раза, т. е. в среднем более 2,2 раза на страницу. В свете этих цифр приведенное выше мнение Н. Буис о том, что в английском тексте многоточие встречается очень редко, нельзя признать абсолютно достоверным. Разумеется, что в романе мы находим некоторое число страниц, на которых нет многоточий, но зато рядом с ними есть страницы, на которых многоточия встречаются от 10 до 27 раз. Ср.: стр. 24 (11 раз), 52 (11), 63 (11), 76 (12), 98 (10), 119 (10), 123 (27), 124 (20), 153 (13), 185 (11), 205 (14), 268 (12), 269 (11), 284 (15), 286 (11), 295 (10), 306 (10). В этом ряду особенно показательными выглядят страницы 123 и 124, на которых многоточие употреблено в общей сложности 47 раз.

О том, что столь высокая частотность многоточия в тексте – не исключение, свидетельствует и другой роман Д. Стил – «Accident», увидевший свет в 1994 г. На 408 страницах текста романа многоточие встречается 756 раз, что дает 1,85 употреблений этого пунктуационного знака на страницу.

Приведенных данных достаточно не только для того, чтобы опровергнуть бытующее мнение о редком использовании многоточия в текстах англоязычных авторов, но и для того, чтобы обратить внимание на особенности функционирования столь частотного пунктуационного средства. Обратимся поэтому к конкретным примерам из романа и его перевода:

All through the evening, memories of Charles kept intruding on her... Charles in Paris when he

was so brave, so wild, so young... in Venice... in Rome on their honeymoon... of Charles laughing... teasing her... swimming in a lake... running through a field... and then the last time... in Switzerland... and now, today... [16, 63] / Воспоминания о Чарльзе завладели ею на весь вечер. Чарльз в Париже, храбрый, бешеный, молодой... В Венеции... Медовый месяц в Риме... Чарльз смеется... Ласкает ее... Они плавают в озере... Бегут куда-то... Потом – последние их недели... Швейцария... И вот – сегодня... [8, 55].

В этом отрывке, представляющем собой сочетание речи повествователя и несобственно-прямой речи героини романа, многоточие использовано 11 раз. Если начальную фразу отрывка «*All through the evening, memories of Charles kept intruding on her...*» рассматривать в качестве самостоятельного предложения, заканчивающегося многоточием, то все остальные многоточия оказываются употребленными в рамках другого самостоятельного предложения, в котором они служат своеобразной заменой запятым. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что замена такого семантически обедненного пунктуационного знака, каким является запятая, многозначным многоточием призвана в данном случае повысить смыслоёмкость текста, усилить его эмоциональность, придать ему интимный характер и увеличить степень его воздействия на читателя.

В имеющемся переводе многоточия функционируют в качестве заместителя другого распространенного пунктуационного знака – точки. Прерывисто-цельное предложение оригинала передано восемью эллиптическими предложениями и двумя полными двусоставными, но краткими предложениями: *Чарльз смеется...* и *Они плавают в озере...* Многоточия выступают своеобразными маркерами эмоциональных пауз в воспоминаниях героини. Однако в результате такого синтаксического преобразования перевод выглядит по сравнению с оригиналом более упорядоченным и менее экспрессивным.

Следующий фрагмент текста примечателен тем, что переводчик вновь меняет подход к воссозданию многоточий оригинала и

предпринимает попытку заменить их более уместными в русском тексте пунктуационными знаками – запятой, точками и вопросительным знаком:

"What happened?"

"I don't know. They said they found his pajamas in my basement. My God, Marielle... tell me you don't believe it's true..."

"How did they get there?"

"I don't know. I swear to God, I don't... I'm a fool... I was terrible to you... I was wrong... I was crazy... but I've spent the rest of my life trying to atone for it, I've never hurt anyone... I've fought for my friends, I was willing to die for their causes because I have nothing more to lose... why would I hurt him? Why would I hurt you? I've done enough to you, and by God..." He sobbed as she held his hands. "I still love you" [16, 186].

– Что произошло?

– Не знаю, Мариэлла. У меня дома в подвале нашли пижаму твоего сына. Боже, Мариэлла, скажи мне, что ты им не веришь...

– Как к тебе попала пижама?

– Не знаю. Господом богом клянусь, не знаю. Я дурак. Я ужасно вел себя тогда... Так нельзя... Я сошел с ума... Но до сих пор я всё время старался искупить тот грех... Я никому не сделал зла с тех пор... Я воевал за друзей, хотел умереть за них, потому что мне нечего было терять. Зачем мне убивать его? Зачем мне мучить тебя? – Она взяла его руки в свои. – Я все так же люблю тебя [8, 154].

Количество многоточий в переводе сокращено, по сравнению с оригиналом, почти вдвое – в исходном тексте их 10, в переводном – 6. Все замены многоточий проведены переводчиком в репликах героя. Данное переводческое решение можно признать оправданным, поскольку такое обилие многоточий в речи мужчины, даже находящегося в состоянии сильного эмоционального волнения, нетипично для произведений русской литературы. Переводчик тем самым осуществляет некоторую прагматическую адаптацию текста с учетом особенностей ожиданий будущих читателей перевода.

Подобную же стратегию учета гендерных различий речи мужчин и женщин, находящихся

отражение в отечественной художественной литературе на русском языке, мы наблюдаем и при переводе следующего диалога:

"I can't..." she cried, and buried her face against him. "I can't do it... please... don't make me..."

"It may not be him... you have to help us... please... please, Marielle..." [16, 361].

В кратких репликах героини и ведущего расследование инспектора полиции (мужчины) использовано по четыре многоточия. Такое обилие многоточий нетипично для русскоязычной прозы. Переводчик А. Гейз их количество резко сокращает – в реплике женщины до двух, в ответе полицейского с четырех до одного:

– Не могу! – закричала она, пряча лицо у него на груди.

– Пожалуйста... Не заставляйте меня...

– Возьмите себя в руки. Вы должны нам помочь, Мариэлла. Пожалуйста... [8, 295].

Переводчик в значительной мере снижает экзальтированность речи героев, приводя ее в соответствие с пунктуационными нормами русского языка.

В приведенном ниже примере прерывистый характер речи, ее затрудненность, большое эмоциональное напряжение, испытываемое героиней, дающей показания в суде, сама ситуация, описываемая автором, делают активизацию многоточия в данном фрагменте оригинала в некоторой степени стилистически оправданной. Однако избранная переводческая стратегия применяется и по отношению к этой монологической по своему характеру реплике главной героини. Ср.:

"Do you believe Teddy is still alive?"

Her eyes filled with tears again, but she went on, "I don't know... I hope he is... I hope it so much..." She looked at the press then and into the courtroom. "...If anyone knows where he is... please, please bring him home... we will do anything... just don't hurt him..." [16, 295].

– Вы верите, что Тедди жив?

В ее глазах стояли слезы, но она заговорила:

– Не знаю. Надеюсь. Я очень надеюсь...

– Она обвела взглядом зал, посмотрела в сторону журналистов. – Если кто-нибудь знает, где он сейчас... Пожалуйста, умоляю вас, вер-

ните его... Мы сделаем, что угодно... Только не причиняйте ему вреда... [8, 244].

На восемь многоточий в отрывке из романа приходится всего четыре этих пунктуационных знака в тексте перевода. Половина многоточий из этого фрагмента при переводе элиминированы переводчиком. В результате такого опущения авторского стилистического средства реплика героини оказывается переданной в ином эмоциональном ключе – она звучит более сдержанно, а героиня предстает более спокойной, что не соответствует изображенной в романе ситуации.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, многоточие должно быть признано пунктуационно-стилистической доминантой романа Д. Стил «Vanished». Его активное использование в тексте романа свидетельствует о том, что в американской беллетристике существуют свои тенденции в применении этого пунктуационного средства, отличные от традиционных правил его относительно экономного употребления в высокохудожественной английской и американской прозе (в последних романах Д. Стил, изданных в конце первого десятилетия нашего века, многоточие употребляется значительно реже: так, в романе «Big Girl», вышедшем в свет в 2010 году, многоточие появляется на 394 страницах текста всего 27 раз, что составляет 0,07 употреблений на страницу).

Во-вторых, многоточие как разделительный знак приобретает в данном беллетристическом произведении Д. Стил дополнительные значения, в результате чего многоточие может функционировать в роли запятой, точки, двоеточия и вопросительного знака.

В-третьих, в романе Д. Стил многоточие служит для передачи взволнованной, прерывистой, замедленной и затрудненной речи, для повышения смысловости текста и придания ему эмоционального характера, а также для интимизации текста. Многоточие, кроме того, подчеркивает весомость каждого отдельного слова и служит для выражения эмоциональной напряженности состояния героев романа.

В-четвертых, в имеющемся переводе романа на русский язык в использовании многоточия наблюдаются существенные различия, по сравнению с его функционированием в оригинале. В частности, оно используется для иного членения текста (например, разбиение цельного предложения на отдельные укороченные фразы). При использовании многоточия переводчик прибегает к разным переводческим стратегиям: в одних случаях этот знак сохраняется в переводе в том же количестве, что и в оригинале; в других случаях переводчик прибегает к опущению многоточия (в отдельных контекстах доля опущений этого пунктуационного средства достигает 50%). В переводе ощутима тенденция варьирования частотности употребления многоточия с учетом гендерного аспекта (в речи героев мужского пола оно элиминировано чаще).

В-пятых, материал статьи подтверждает необходимость развития тех идей сопоставительного исследования пунктуации в аспекте художественного перевода, которые были выдвинуты в свое время А.В. Фёдоровым, Л.В. Щербой, С. Флорином. Для этого требуется привлечение большого массива прозаических, поэтических и драматургических текстов в разных языковых комбинациях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 607 с.
2. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
3. Буис Н. Русская литература – конвертация по курсу // Свиноаренко И. Ну Америка. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 487-509.
4. Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение. М.: Просвещение, 1979. 125 с.
5. Кошечкина И.Г. Стилистика современного английского языка. М.: Издат. центр «Академия», 2011. 352 с.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
7. Пеньковский А.Б. Пунктуация // Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М.: Педагогика, 1984. С. 245-246.
8. Стил Д. Похищенный / Пер. с англ. А. Гейза. М.: Эксмо, 2009. 320 с.

9. Флорин С. Ремарка – пунктуация – темперамент (на материале английского языка) // Тетради переводчика. Вып. XII. М.: Междунар. отношения, 1975. С. 75-80.
10. Харченко В.К. «На звенящих канатах усердия и милосердия». Стихи. Заметки о стихосложении. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. 144 с.
11. Чуковский К.И., Фёдоров А.В. Искусство перевода. Л.: АCADEMIA, 1930. 236 с.
12. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 398 с.
13. Щерба Л.В. Пунктуация // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 241-245.
14. Steel D. Accident. London: Corgi Books, 1995. 414 p.
15. Steel D. Big Girl. N.Y.: Dell, 2011. 394 p.
16. Steel D. Vanished. N.Y.: Dell Publishing, 1994. 391 p.

УДК 811.411.21'373

Шайхуллин Т.А.

Российский исламский институт (г. Казань)

СЕМАНТИКО-СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКИХ И АРАБСКИХ ПАРЕМИЯХ С ЛЕКСЕМОЙ «ДРУГ»

T. Shaihullin

Russian Islamic Institute, Kazan

SEMANTIC RELATIONS OF THE LEXICAL ITEM "FRIEND" IN RUSSIAN AND ARABIC PROVERBS

Аннотация. В статье проведено комплексное сопоставительное исследование паремий русского и арабского языков с лексемой «друг» в концептуально-семантическом и этнокультурологическом аспектах, рассмотрены особенности мировоззрения русского и арабского народов, которые проявляются в паремиях, отражающих национально-культурную специфику арабской и русской лингвокультур, а также выделены тождественные признаки и различия паремий обоих языков с лексемой «друг» и соотносящимся с ним семантическим полем «дружба». Проведённый анализ позволяет заключить, что в основе паремий обоих языков лежат общие культурные составляющие, что свидетельствует об общности человеческого мышления. Различия обнаруживаются в стилистических и грамматических несоответствиях, которые проявляются между структурами паремий исследуемых языков.

Ключевые слова: русские паремии, арабские паремии, друг, друзья, дружба, метафора.

Abstract. The article presents comprehensive comparative study of the lexical item "friend" in Russian and Arabic proverbs in conceptual semantic and ethnic cultural aspects. The article deals with the outlook of Russian and Arabic people, observed in the proverbs, which reflects national and cultural specific features of Arabic and Russian linguistic cultures. It also highlights the identical features and differences of the proverbs with the lexical item "friend" in these languages and its correlation with the semantic field of "friendship". The research shows that the bases of the Russian and Arabic proverbs may have common cultural components which indicates similarity of human mind. The differences are discovered in the stylistic and grammatical inconsistencies that occur in the Russian and Arabic proverbs.

Key words: Russian proverbs, Arabic proverbs, friend, friendship, metaphor.

В последнее время особую актуальность приобретает сопоставление базисных концептов различных лингвокультур. Несомненно, прав Д.В. Лагоденко, который отмечает, что «каждый язык неотделим от культуры, которая составляет его содержательный аспект. Язык не